

graffiti

Р Ирэн Роздобудько

граффити

Последний бриллиант мльеди

FOLIO

Ирэн Роздобудько

Последний бриллиант миледи

«Фолио»

2012

Роздобудько И. В.

Последний бриллиант миледи / И. В. Роздобудько — «Фолио»,
2012

«Замечу сразу: я не приглашаю к себе в гости – на эти страницы – тех, для кого серьезное выражение лица является свидетельством ума. Как говорил барон Мюнхгаузен, именно с этим выражением делались самые большие глупости на земле. Поэтому предупреждаю: уважаемые Серьезные Люди, не тратьте время на чтение. Эта книга – дань моему детскому увлечению Александром Дюма и... полная авантюра по отношению ко всем, возможно, узнаваемым историческим и неисторическим лицам, живущим на этих страницах...» Ирэн Роздобудько

© Роздобудько И. В., 2012

© Фолио, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирэн Роздобудько

Последний бриллиант миледи

Пролог

«На этот раз не выкарабкаться. Наверное, умру...» – мелькнула мысль. Тело не хотело слушаться. Она подняла руку и с трудом открыла глаза. В слабом свете, проникающем сквозь плотные шторы, ладонь показалась ей совсем белой. Она пошевелила пальцами. И вдруг вспомнила, что такой же бессознательный и беззащитный жест она уже наблюдала много лет назад, стоя у колыбели своего трехмесячного сына. Малыш точно так же водил пухленькой ручкой перед своим лицом и внимательно разглядывал свои пальчики. Господи, все возвращается на круги своя, и на старости лет наблюдение за собственной рукой становится небывалым открытием. Какую невероятную эволюцию прошла эта рука, прежде чем стать высохшей старческой конечностью – беззащитной и беспомощной!

Сколько колец носили эти пальцы – бриллиантовых, рубиновых, изумрудных! Сколько раз сжимали они рукоятки кинжалов, плетей, револьверов! Как умели окунаться в кудри любовников – маркизов, графов, сорвиголов и дерзких подданных! Каждый палец – отдельная история.

Она улыбнулась. Ей всегда хотелось умереть с улыбкой на лице.

Где-то вдали шуршало море. В эту пору – в пять утра – оно всегда шуршало, как страницы книги, забытой в саду. Она знала, что в семь наступит штиль и тогда ни один звук не проникнет в ущелье. И эта грядущая тишина впервые испугала ее. Хотя она никогда не знала этого гаденького чувства и никогда не рассчитывала дожить хотя бы до тридцати четырех. Но судьба распорядилась иначе. Видели бы ее сейчас соотечественники и бывшие многочисленные враги! Правда, большинство из них – если не все! – уже далеко... И совсем скоро будут встречать ее в преисподней. И, видимо, обрадуются. Пусть радуются. Она бы тоже радовалась встрече даже с заклятыми врагами. Тяжело осознавать, что жизнь кончена, а еще тяжелее думать о том, что сейчас – другие времена, другие люди и нравы, и никому нет дела до ее былых побед, ее страстей, приключений. Нет свидетелей всего этого. Ведь кто из ее бывших знакомцев мог похвалиться, что дожил почти до восьмидесяти? Кто теперь, кроме нее, знает всю правду?

Какой-то парижский болван издал, правда, бульварный романчик, в котором она узнала себя – хищную блондинку погибающую от руки четырех дерзких палачей. Дудки! Поторопился... Это она, именно она пережила их всех. Если бы хватило сил, доказала бы писателю, что она еще жива и еще способна защищаться. И поведала бы всему миру совсем другую историю об обольстительной и умной женщине, чуть ли не единственной при дворе, кто увлекался астрологией и математикой.

А какой представил ее тот болван? Все перепутал, сместил во времени. Все – выдумал...

Она почувствовала, что голова начинает болеть еще сильнее. Чтобы отвлечься, снова и снова вызывала из небытия тени и улыбалась своим мыслям.

Господи, думала она, видел ли тот парижский бумагомарака хоть раз в жизни настоящего гасконца? По крайней мере, ТОТ был совсем невзрачный, и употреблял в фехтовании коварный приемчик, неожиданно перебрасывая шпагу из правой руки в левую. А как он добивался ее! Пылкий смуглый маленький гасконец...

А обжора-толстяк с вечно потными ладонями! Разве он мог справиться хотя бы с одним гвардейцем? И что бы делал этот мешок, если бы не потайной защитный жилет, сшитый его престарелой любовницей!

А утонченный горе-аристократ, обладатель трех титулов и владелец полуразрушенных замков... Да он мылся раз в два года! А когда увидел, как часто это делает она, поспешил объявить ее ведьмой, ведь привык прикасаться только к жирным телесам своих крестьянок.

Единственным из всей компании этих ярких вояк-сорвиголов, кто умел связать два слова, был красавец-интриган с душой святоши и тонкими губами иезуита.

Каждый из них ухаживал за ней, обезумев от страсти, угрожал самоубийством, прельщал обещаниями... А получив отпор, все четверо сговорились расправиться с ней – гордой, неукротимой и греховно красивой. Но – не удалось!

Вот и вся история. Вот и вся легенда о краже бриллиантовых подвесок. Это были ЕЕ подвески. Господи, снова улыбнулась она, подавляя очередной приступ боли, как тиски, сжимающей мозг, Господи, если бы тот франт-писака имел бы возможность видеть ее, говорить с ней, коснуться ее белой руки – разве он написал бы о ней такое? О, это была бы совсем другая история! Что ж, возможно, кто-то ее еще напишет...

Шелест моря постепенно стихал. Значит, прошло не менее полутора часов. И сейчас войдет Мария со стаканом теплого молока. Но на этот раз она его не выпьет – в гости к Богу легче идти с пустым желудком.

Она пригладила свои короткие волосы, вспомнила, как возмущалась ее прической женская половина местного населения, как захлопывались окна и двери, когда она в кожаной шляпе с широкими полями верхом въезжала в это забытое Богом селение, как крестились, глядя ей вслед, мужчины: «Дьяволица!» Даже ее одинокий дом на берегу моря прозвали «чертовым» и обходили десятой дорогой. Дом и правда напоминал логово: полное запустение. Единственная ценность – обитая бархатом шкатулка. Та самая... Кстати, надо сделать последние распоряжения...

– Марион! – крикнула она в темноту слабым голосом и услышала за дверью грузные шаги старой служанки.

Женщина робко вошла, моргая сонными глазами. Поставила у кровати поднос со стаканом молока и почтительно остановилась.

– Марион, подай-ка мне ту шкатулку, – велела хозяйка. – И уходи. Недолго тебе осталось ждать...

Мария подала шкатулку, перекрестилась и покорно вышла.

Она сняла с шеи шнурок с маленьким серебряным ключом. Каждое движение вызывало новый приступ боли. Наконец она сумела откинуть крышку.

Крупный бриллиант замерцал перед глазами тусклым живым блеском...

Вообще-то писака не ошибся – их когда-то действительно было ровно двенадцать. На одиннадцать она безбедно прожила свою бурную жизнь. И вот остался один. Самый яркий. Она именовала его «Герцог Бэкингем». Дрожащей рукой старуха бережно обернула камень платком, туго обвязала бечевкой, вложила в шкатулку поменьше и снова перевязала сверток. Кликнула служанку.

– Марион, передай это моему внуку, когда он приедет, после... Ты понимаешь, о чем я... Он приедет обязательно. Не может не приехать. Он знает, что здесь. А если ты что-то сделаешь не так – я достану тебя из-под земли!

– Господь с вами, госпожа! – перекрестилась служанка. – Господин доктор сказал, что после кровопускания, возможно, все обойдется...

– Не мели чепухи! – остановила она. – Мой час близок – я это чувствую. Иди прочь!

Она откинулась на подушки и снова закрыла глаза. Сразу же услышала знакомый звук. Она давно уже привыкла к нему и не обращала на него внимания. Это не был шелест моря или деревьев, окружающих дом: жилище кишело крысами и мышами, которые постоянно грызлись между собой, отвоевая лучшую территорию. Они не добрались бы до этой спальни, ведь Мария регулярно обкладывала все уголки комнаты ядом.

«Скоро здесь не останется никого, – подумала она. – Подождите... Будете полными хозяевами...»

Словно в ответ на эти мысли скрежет прекратился. Если бы она могла видеть лучше, то заметила бы, как из-за старого комода вынырнула острая мордочка крысиной мамаша. Она шевелила длинными влажными усами и внимательно, почти по-человечески, смотрела на старуху. А та уже летела по длинному тоннелю и с каждым метром полета на уровне угасающего сознания чувствовала, как меняется ее земная оболочка, каким легким и гибким становится уставшее тело. Вот она – шестидесятилетняя атаманша местных контрабандистов, еще способная соблазнять: широкий кожаный корсет, высокие сапоги, коротко подстриженные, еще не седые волосы, подкрашенные хной. Вот – сорокалетняя женщина, убегаящая – всегда убегают! – от армии хищных святош, вот – прелестная молодая авантюристка, лучшая танцовщица при дворе: голубое платье, золотая волна длинных волос, всегда выбивающихся из-под бархатного берета. Вот – девица, веселая вдова старого маршала, любовница короля, черный рок кардинала, огонек, на который слетаются умнейшие люди столетия. А вот уже – ничто...

Тусклый нездешний воздух растворяет в себе беззащитное тело. Боль отступает. Господи, как хорошо... Тоннель закончился.

Крысиная мамаша поняла, что старуха уже далеко, что больше она не испугает ее брошенной в угол тапкой. Крыса крепко ухватила за складки простыни и начала подбираться к бледной старческой руке...

Часть первая

Белые нитки

* * *

В последнее время Влада боялась подниматься в лифте и поэтому преодолевала четырнадцать этажей пешком. Это занимало минут десять. Но лучше таких десять, чем западня на часок в темном сломанном лифте, как это было недавно. В тот раз она стояла в крошечной темноте просторной грузовой кабины и прислушивалась: в какой-то миг ей показалось, что в противоположном углу этого замкнутого пространства кто-то тяжело дышит... Это было ужасно!

На этот раз Влада несла тяжелую сумку с продуктами, но страх замкнутого пространства все же погнал ее вверх пешком.

На десятом этаже она остановилась у окна, решила закурить и перевести дух. Задумалась, остановив взгляд на хвостиках зеленого лука, торчавших из сумки. Вот и весна. Первая зелень. Вторая весна без Жанны. Следствие все еще вяло ведется, но Влада чувствовала, что оно не даст никаких результатов.

Сегодня они с Максом будут отмечать вторую годовщину ее исчезновения. И, возможно, в этот раз уже не будет так грустно, как в позапрошлом году, когда у Макса случился первый припадок. Тогда она смогла отвоевать его у ужасной серо-синей бригады санитаров, доказать, что она сама в состоянии позаботиться о нем и быстро поставить его на ноги. Хорошо, что он – какой-никакой – рядом с ней.

Снизу послышались чьи-то шаги. Влада быстро потушила сигарету о подоконник, невольно читая надпись, выжженную зажигалкой: «Макс + Жанна...», и грустно покачала головой – как давно это было!

Влада открыла дверь, не снимая ботинок, прошла в кухню, которую от просторной комнаты-студии отделяла овальная арка. Год назад она наконец-то смогла сделать шикарный ремонт в этой трехкомнатной квартире, доставшейся им с Жанной от родителей. Те все-таки решили поселиться на природе, в одном из пригородов.

Она спланировала эту квартиру в «американском стиле»: стены и всяческие закоулки, антресоли и кладовки были безжалостно разрушены. Ничего лишнего. Ничего, что напоминало бы о прошлом. Вместо доисторических ковров, которые так любила мама, – картины, фотографии в дорогих рамах. Диван и кресла расположены посередине комнаты, шкафы-купе для одежды и обуви почти не заметны, огромный книжный стеллаж – единственный признак вкусов хозяйки.

Механически, по привычке, Влада нажала на кнопку пульта и включила телевизор, достала из холодильника банку пива «Хайнекен», с удовольствием погрузилась в большое мягкое кресло и, положив скрещенные ноги на стол, закрыла глаза. Минут десять она просидела так, попивая пиво, прислушиваясь к звукам, доносившимся от экрана. Каким будет нынешний вечер? Не напрасны ли все ее усилия?

Влада встала и взялась наконец разгружать свою сумку. На столе выросли привлекательные кучки первых весенних овощей – красные помидоры, ярко-зеленые, как молодые крокодилчики, шершавые огурцы, нежные полупрозрачные листья салата. Все это напоминало пластиковые муляжи – слишком красивое и совершенно без запаха. Одним словом – продукты из супермаркета: форма без содержания. Вслед за всем этим она достала из сумки другие деликатесы – грибы, копченые куриные окорочка, «морские коктейли», оливки...

Спустя полчаса стол, накрытый на двоих, засветился отблесками язычков пламени свечей в хрустальных бокалах и салатницах. Все было готово. Влада открыла шкаф и выбрала бледно-розовое платье, собрала длинные волосы на затылке и почувствовала, как стучит сердце...

Бедный Макс! О чем он думает сейчас? Сможет ли он вести себя адекватно, или ей придется опять сдерживать его?

Влада замерла перед книжным стеллажом, вмонтированным в стену. Казалось, она выбирает себе книгу – их тут было несколько сотен. Собирать библиотеку начал отец еще в те времена, когда в магазинах не было ничего, кроме томов классиков марксизма, а за настоящей литературой надо было ехать в дальнюю лесополосу, пробираться тайной тропой к поляне, на которой толпились книголюбы и спекулянты. Продолжил это дело Макс, когда благодаря билету члена Союза писателей приобщился к писательскому магазину. А последние несколько лет они уже все вместе отправлялись на огромный книжный рынок и покупали все, что душе угодно – Воннегута, Сартра, Камю...

Господи, сколько книг! Надо как-то разобрать их, систематизировать. Влада перекрестилась, решительно взялась за перекладины стеллажа и резким движением потянула его на себя. Половинки разошлись. За ними была раздвижная дверь... Влада достала с верхней полки ключ, вставила в замок и трижды повернула его.

Прежде чем отворить дверь, она прильнула ухом к отполированному дереву. Мертвая тишина! Влада открыла дверь.

Какой контраст: освещенная последними лучами солнца гостиная – и душный полумрак узкой кельи с едва тлеющим огоньком лампы-бра, вмонтированной в потолок. Влада всматривалась в полумрак, пока не начала различать силуэт мужчины, неподвижно лежавшего в углу на большом матрасе.

Она тихо подошла к нему по мягкому поглощающему звуку ковра и присела рядом. Мужчина не шелохнулся. Влада сняла со стены круглое зеркало и снова присела возле скрюченной фигуры.

– Кто ты сейчас – Эго или Тень? – прошептала прямо в ухо.

Мужчина вздрогнул.

– Я – Тень, – покорно ответил он хриплым голосом, и его голова еще глубже ушла в плечи. – Оставь меня...

– Посмотри в зеркало! – велела женщина, хватая мужчину за плечо и силой разворачивая лицом к себе.

Он покорно повернулся. Влада поставила зеркало перед самым его лицом. Несколько секунд он сидел перед тусклой поверхностью с закрытыми глазами, покачиваясь, как китайский болванчик. Затем его отяжелевшие веки дрогнули и, словно каменные, медленно поползли вверх. Он посмотрел на отражение. Влада видела, как бездумный взгляд приобретает осмысление, как расправляются плечи. Вот он уже сам жадно ухватился за края зеркала и всматривается в него с надеждой.

Этот фокус с зеркалом Влада придумала сама: «Тень» является противоположностью «Эго». Чтобы снова стать Эго, Тень должна увидеть себя со стороны.

Влада не ошибалась. Макс медленно приходил в себя.

– Пошли, солнышко, тебе надо помыться – ванна готова, – ласково сказала Влада. – Потом поужинаем вместе. А пока выпей это.

Она протянула ему горсть разноцветных таблеток. Он вбросил их в рот все сразу, отведя ее руку со стаканом молока, и захрустел, тяжело двигая челюстями. Пока в ванной текла вода, гудела бритва, Влада сделала последние штрихи в сервировке стола: откупорила вино, разложила белоснежные салфетки. В комнату уже заплыли фиолетовые сумерки с весенним запахом дождя и первой молодой листвы.

Макс вышел из ванной совсем свежий – в новой белой рубашке, которую она заранее там повесила, в голубых, тоже новых, джинсах. Его темно-каштановые волосы были влажными и гладко зачесанными назад. Синие тени вокруг глаз исчезли. Даже разгладились морщины у губ, казавшиеся глубокими бороздами в полумраке красной кельи.

– Ты хорошо выглядишь, – похвалила она. – Скоро тебе станет лучше, вот увидишь!

– Я долго спал? – спросил он.

– Сон – лучшее лекарство. Тебе нужно много спать, дорогой! – ушла от ответа Влада. – Садись, разлей, пожалуйста, вино...

Макс осторожно наклонил бутылку. Густые красные струйки медленно расплылись по хрустальным стенкам бокала.

– Кровь не рожденных... – улыбнулся он. – Сладкая и густая. Нектар небесный... Если ты не против, я выпью немного водки.

– Сегодня я не против, – согласилась Влада, поднимая свой бокал.

– И так?.. – он тоже поднял маленькую рюмку.

– За Жанну... – с опаской произнесла она, внимательно следя за его глазами. Но ничего ужасного не произошло – только едва заметно дрогнула его рука с рюмкой.

– Я рада, что ты спокоен, – сказала Влада. – Так и должно быть. Я все возьму на себя, а тебе надо выздоравливать, набираться сил... Ешь, дорогой. Здесь столько всего вкусного...

Он с удовольствием начал есть. Ел все почти одновременно – засовывал в рот листья салата, кусочки куриного мяса, рыбу, грибы, запивая минералкой. Ей было грустно и неловко смотреть на него.

Наконец Макс откинулся в кресле и закрыл глаза.

– Можно курить? – спросил.

Влада положила перед ним пачку длинных сигарет «EVE» и щелкнула зажигалкой...

Он, как и прежде, был утонченно красив, каждый его сознательный жест казался ей движением Кларка Гейбла. Сейчас он сидел с закрытыми глазами и выпускал из четко очерченных губ кольца дыма.

– Ты что-то написал? – решила она спросить. – Я видела у кровати рукопись... Покажешь?

Вопрос ему понравился. Влада поняла это по румянцу, который тут же проступил на его бледном лице. Она восприняла это как хороший знак и мигом бросилась к келье, принесла и положила перед ним листы бумаги.

– Почитаешь?

– Нет, я в эти игры больше не играю. Оставь себе – прочтешь позже сама, хорошо? – Макс бросил рукопись на диван и закурил еще одну сигарету.

«Это уже, наверное, лишнее...» – подумала Влада.

Ужин при свете двух длинных свечей, как всегда, показался ей фантазмагорическим. То, что происходило с ними обоими, порой напоминало Владе сцены из детских книжек вроде «Алисы в Стране чудес», – за столом не хватало лишь Кролика, Болванщика и Мышки-сони.

– О чем ты думаешь? – после паузы вновь спросила она.

– О деградации, – выдохнул он. – О де-гра-да-ци-и, которую не остановит даже белый воротничок.

– Ради бога, Макс... – поморщилась Влада. – Я обещаю – ты снова станешь сильным!

– Я уже думал об этом. И знаешь, до чего додумался? Я мог быть сильным только тогда, когда рядом была она. Но это была иллюзия силы. Я – ничто! В маленькой девочке я искал прибежища... Жанна это понимала. Я убил ее своим малодушием. Если бы все вернуть...

Сигарета запрыгала в его сжатых пальцах, он не смог поднести ее к губам, помахал рукой где-то у виска и наконец раздавил окурок в пепельнице. Влада с беспокойством наблюдала за каждым его движением.

– Ты ни в чем не виноват, – тихо сказала она. – Тебя можно понять. Жанна была счастлива с тобой...

– Жанна... Жанна... – перебил он. – Я помню – сегодня два года, как ее нет с нами. Как ты думаешь, где она? Маленькая Жанна, в зеленом платье...

– Я найду ее. Я делаю все возможное, – спокойно произнесла она.

Макс вдруг вскочил, опрокидывая кресло, подбежал к ней и порывисто поднял с места, больно сжимая руки.

– Я хочу видеть Жанну! – закричал ей прямо в ухо. – Слышишь, в дверь звонят! Это она! Открой!

Он тряс ее так, что из прически выпали шпильки и волосы рассыпались по плечам. Она уже знала, что нужно переждать – это продлится секунду-две...

– Жанна? – обмяк он, пристально глядя в ее лицо. – Жанна, Жанна, заведи меня отсюда!.. Это – не она! – наконец он отпустил Владу, и та чуть не упала на пол. Но не растерялась. Она знала, что делать. И сделала то, что когда-то сделала наугад: поднесла к лицу больного зеркало, которое всегда держала наготове. Макс съехался, будто сразу уменьшился вдвое, закрыл лицо ладонями: Это превращалось в Тень.

– Пошли, – сказала Влада, поправляя прическу. – Тебе уже пора спать.

Он покорно позволил взять себя за руку. Лишь на пороге комнаты тоскливо взглянул в окно, в котором висела большая полная луна. На ее фоне четко вырисовался женский силуэт – недостижимый, неземной. Появился и исчез. Макс вздрогнул, тяжкий стон сорвался с его губ...

Влада не вошла за ним – настроение было испорчено. Она знала, что он сам найдет свой матрас. Медленно прикрыла дверь, и его стройная фигура в белой рубашке растворилась в темноте. Влада сдвинула половинки стеллажа и бессильно сползла на пол. Из опрокинутой бутылки лилось на стол вино, и на скатерти расплывалось большое красное пятно...

* * *

Она просидела так не более десяти минут. Затем быстрым движением свернула запятнанную скатерть вместе с бутылкой и фужерами, швырнула все это в плетеную мусорную корзину, вытерла стол, разложила на нем письменные принадлежности. И задумалась над листом бумаги.

Влада давно уже запланировала написать очередное письмо родителям, и если не сделать этого сейчас, потом на это не будет ни времени, ни настроения. Письмо должно было быть, как всегда, кратким. Но и те десять-двадцать строк, которые она весь день прокручивала в уме, надо было как-то вымучить из себя.

«Здравствуйте, наши дорогие! – писала Влада. – У нас все нормально. Обидно, что мы пока не можем отправить вам достаточно денег, чтобы вы смогли к нам наконец приехать. Очень скучаем по вам, ведь давно не виделись. Надеемся, что как-нибудь и сами наведаемся... Но это тоже зависит от денег и свободного времени. Ведь ни того, ни другого пока что нет в нужном количестве. Вы просили сообщать обо всем, что с нами происходит. Итак, как прилежный секретарь нашего небольшого семейства со всей ответственностью сообщаю: мы живы-здоровы (чего и вам желаем!). Жанночка работает там же – в библиотеке, я устроилась на новую работу (вы же знаете, что долго на одном месте мне удержаться трудно), Макс время от времени имеет некоторый приработок. Вообще-то живем весело, не унываем. Как ваше здоровье, настроение?..»

На этом письмо должно было заканчиваться. Но Влада решила все же приписать «постскрипtum»: «Папа, я все время думаю о том странном иностранце, который приезжал к тебе четыре года назад. Не родственник ли он нам? Если это так, почему вы от него отреклись?»

А вдруг нас ждет какое-то наследство? Это было бы очень кстати. Пожалуйста, напиши мне. Если тебе неудобно, я сама все выясню и улажу...»

Шальная мысль о богатых иностранных родственниках не покидала ее давно – со времени того странного визита четырехлетней давности. Тогда, вспомнила Влада, красное вино так же пролилось на белую скатерть...

* * *

...Визит француза, назвавшегося Антуаном Флери, стал полной неожиданностью для семьи Олега Антоновича, отца Жанны и Влады. Ведь найти нужный дом в густонаселенном «спальном» районе для новичка (а тем более иностранца) было делом практически невозможным.

Сначала на пороге появился опрятно одетый молодой человек с казенной улыбкой на румяном лице. За его спиной маячила фигура еще одного незнакомца. Грузный, с элегантно седой виской, он с удивлением рассматривал размалеванные стены подъезда и время от времени утирал лоб белым шелковым платком.

– Извините, это квартира семьи Фарчук? – спросил молодой человек.

– Да, – растерянно ответила Влада.

– Господин Оливер дома?

От удивления Влада на миг замерла. Она совсем забыла, что имя отца по паспорту – Оливер, а не Олег, как его привыкли называть и на работе, и дома.

– Папа! К тебе! – крикнула Влада, не торопясь впускать гостей в прихожую: квартирка была хоть и трехкомнатная, но довольно убогая, и нежеланные гости в ней действительно были нежеланными.

Олег Антонович вышел, на ходу вытирая руки тряпкой, – он как раз чинил испорченный уют.

– Месье Оливер Фарре? – выступил из-за спины молодого второй гость. Ему было лет шестьдесят. На его груди, как и у многих путешествующих иностранцев, висел фотоаппарат. Влада с огромным интересом наблюдала за происходящим. Поймав ее взгляд, отец молча кивнул ей на дверь комнаты. Пришлось выйти.

Но Влада все равно слышала, как парень начал объяснять отцу, что его спутник приехал из Франции, из Парижа, что находится он здесь больше недели и все это время занимался поисками «мсье Оливера Фарре».

– Совсем меня замучил, – быстро добавил переводчик. – Пришлось поднять на ноги все адресные столы... Правда, слава богу, у него были некоторые сведения о вашем деде...

«Вот оно! – торжествовала Влада. – Я так и знала – иностранные родственники!»

Но отец ответил, что его фамилия Фарчук, поэтому, видимо, произошла какая-то досадная ошибка.

В дверную щель Влада увидела, что отец побледнел. Он держал гостей на пороге и, как испуганная курица, бил себя дрожащими руками по карманам в поисках сигареты.

– Говорю вам, это ошибка! – повторял он.

Затем завохтал иностранец.

– Дорогой друг, меня зовут Антуан Флери, – засеменил переводчик. – Я так долго вас искал. У меня есть для вас интересные предложения... Я вас умоляю – обратился он к отцу, – впустите его в квартиру, хоть чаю налейте! Если он пожалуется на меня – потеряю работу! Он действительно ученый, а не разбойник с большой дороги... Я мечтал увидеть вас всю свою жизнь, – продолжал он выполнять свою работу. – Я приехал сюда ради вас!..

Лицо «мсье Антуана» покраснело, по нему крупными каплями стекал пот.

– Ольга! – крикнул отец жене каким-то чужим, глухим от волнения голосом. – Накрывай на стол, у нас гости! – и неопределенным жестом пригласил визитеров войти.

Чаепитие со странными посетителями растянулось на весь вечер. К столу были приглашены все члены семьи.

Жанна с Максом ничего не понимали, воспринимая событие как обременительную обязанность, помешавшую им закрыться как всегда в своей маленькой комнатке. Влада чувствовала, что происходит нечто не доступное пониманию, но очень интересное, и не сводила глаз с чужестранца.

Тот с удовольствием попивал дешевенький чай, потирал потные ладони, рассказывал о Париже. Но напряженность висела в воздухе, как тяжелый утренний туман. Беседу поддерживала мать. Отец курил и вертелся на стуле, будто через него время от времени пропускали электрический ток.

– Теперь он хочет говорить о деле... – наконец перевел молодой и облизал губы, настраиваясь на долгий разговор.

Тогда отец поднялся и, вопреки правилам этикета и гостеприимства, жестом приказал экзальтированному туристу идти за ним на кухню. Тот охотно вскочил. На этом чаепитие закончилось. Жанна и Макс, воспользовавшись моментом, тихо исчезли из-за стола, мать продолжала разговор с переводчиком. Лишь Влада не теряла бдительности и направилась в ванную комнату, которая граничила с кухней...

Она прижала стеклянную банку для зубных щеток доньшком к стене и припала к ней ухом. То, что она услышала, поразило ее до глубины души. Сначала что-то говорил гость. Влада, конечно же не понимала ни слова, кроме этой странной фамилии Фарре. Потом... А потом самодельный подслушивающий аппарат чуть не выпал из ее рук: медленно подбирая слова, заговорил Олег Антонович. Это был французский! Единственное, что смогла уловить Влада из его довольно ученической тирады, было слово «Non, non, поп!». Больше она ничего не поняла и выскользнула из ванной. С пылающим лицом вошла в комнату молодоженов.

Жанна и Макс как раз куда-то собирались.

– Что я вам сейчас расскажу... – загадочно начала Влада, устраиваясь на старенькой скрипучей тахте. – Наш папа прекрасно говорит по-французски!

– Я тоже прекрасно говорю по-английски, – улыбнулась Жанна, подкрашивая ресницы. – Могу рассказать о себе, о нашем городе... Что там мы еще проходили?

– Откуда он может знать французский? Даже если он учил его в школе – это же было давно, – добавил Максим. – Наверное, разговор был на уровне «да» – «нет». И вообще, что это за чудак, я не понимаю...

– Вы зануды! – обиделась Влада. – А вдруг во всем этом есть какая-то тайна?

– Ну, вот ты ее и разгадывай! – сказала Жанна. – Я готова! – обернулась она к мужу.

Они вышли из квартиры, а Влада присоединилась к матери, которая как раз расспрашивала переводчика о его работе, об иностранцах, о Париже.

Наконец отец с гостем вышли из кухни. Влада заметила, что оба они раздражены. Антуан Флери дернул со стула свой пиджак, задел ним бутылку, которая стояла на столе. Мать бросилась сворачивать скатерть, переводчик тоже быстро поднялся и выскочил за своим подопечным в коридор, отец отправился в свою комнату, хлопнув дверью. Все это произошло молниеносно, как в ускоренном кино. Дверь за гостями пришлось закрывать Владе.

Уже стоя на пороге, французский гость забормотал что-то, гневно тыча пальцем в ободранные обои прихожей. Переводчик покраснел.

– Он говорит, что у вас могло бы быть все иначе... Если бы... Что? – обратился он к мсье Флери, но тот только сердито махнул рукой и вышел на лестницу. – Извините, до свидания! – успел крикнуть переводчик и побежал вниз за своим суровым хозяином.

– Ты что-нибудь поняла? – спросила Влада у матери, которая все еще возилась с испорченной скатертью.

– Разве ты не знаешь отца? – ответила та. – Из него слова не вытянешь... Цыганская душа!

Но теперь Влада знала наверняка: легенда о «цыганском происхождении» отцовского имени – вымысел, а причина его нелюдимости – в чем-то другом. Через год после этого случая родители собрались переезжать. Оба были уже на пенсии, в селе осталась пустая бабушкина хата, да и детям, считали они, надо освободить жилплощадь. Но Влада подозревала, что переезд так или иначе связан с тем странным визитом. Когда она прямо спросила об этом у отца, тот коротко ответил, что она мелет чепуху. И больше Влада на объяснениях не настаивала. А имела ли она вообще на это право? Этот вопрос всегда волновал ее...

* * *

Влада не знала, кто ее настоящие родители. Приемные мама с папой удочерили ее в неполных десять месяцев.

В двенадцать лет она уже знала, что они не родные. Родители решили не делать из этого тайны: постепенно, год за годом, они готовили девочку к неприятному известию, ведь лучше узнать это в собственной семье, чем из уст злобных доброжелателей. И Влада не очень расстроилась. Ей захотелось быть для родителей самой лучшей, самой послушной девочкой в мире. Тем более что почти сразу после долгой эпопеи с удочерением мать, давно потерявшая надежду иметь собственного ребенка, неожиданно забеременела. Врач объяснила это очень просто: нередко бывает так, что женщина, которая прошла все мыслимые и немыслимые курсы лечения, потеряв последнюю надежду, расслабляется, прекращает этот бесполезный марафон в погоне за хотя бы одной здоровой яйцеклеткой и... беременеет. Так случилось и с мамой. Влада понимала, что родители могли бы преспокойно отдать ее обратно, но мать сказала: «Этот ребенок принес нам надежду. Он – наш!» И это была правда. Владу и Жанну родители любили одинаково. Владе даже казалось, что они к ней внимательнее. То, за что Жанну ругали, ей легко сходило с рук. И Влада жалела сестру. Она никогда не считала себя красивой. Точнее – не осмеливалась так считать. Особенно после того, как, увидев девочек во дворе, соседка сказала маме: «И в кого удалась Владка? Вот увидите, будет у Жанки всех кавалеров отбивать!» И Влада просто не могла себе позволить быть красивее сестры. Всегда туго стягивала волосы на затылке, не красила их и не делала макияжа. Правда, Жанна тоже не любила всех этих дамских штучек. Вкусы и взгляды у них были почти одинаковые.

И когда девятнадцатилетняя Жанна впервые привела домой Макса, у Влады перехватило дыхание: этот худощавый юноша с длинными пальцами и утонченными чертами нервного лица мог бы придать смысл ее жизни. Но в тот же миг она так же четко осознала и то, что этого не произойдет никогда. Что ее предназначение – быть ему сестрой. А когда родители решили переехать в деревню, возложила на себя миссию домохозяйки.

Она любила их обоих, более того – со временем она смирилась и стала любить саму их любовь. Эта вторая любовь оказалась сильнее, чем чувство к каждому из этой пары – в отдельности. И теперь, когда случилось несчастье, Влада чувствовала, что для полноценности этой любви не хватает ее второго участника – Жанны. Ее любовь утратила одно крыло...

...Дописав письмо родителям и старательно заклеив конверт, Влада задумалась. Что она на самом деле сделала, чтобы найти сестру – живой или мертвой? Дала себе клятву? Постоянно подгоняла следователя? Все это так, а что сделала сама? Было уже поздно. Влада прилегла на диван, укуталась в плед и почувствовала под своим локтем жесткую пачку бумаги. Очередное творение Макса! Она о нем забыла... Преодолевая сон, Влада включила бра над головой. Надо почитать. Хотя бы ради того, чтобы знать, прогрессирует ли болезнь.

Она с грустью вспомнила недавние времена, когда на Макса неожиданно свалился успех – его начали печатать, приглашать на телепередачи и подкарауливать, чтобы взять интервью или сфотографировать в приватной обстановке.

В одной из газет даже появилась непристойная заметка о том, что молодой гений живет сразу с двумя женщинами. Но это была оборотная сторона признания.

Влада находилась тогда на вершине блаженства. Она не могла понять, почему Макс отказывается принимать журналистов, почему избегает общения с коллегами-писателями и все чаще закрывается в своем кабинете (тогда квартира еще не была студией).

Жанна объяснила: Макс пишет новый роман, но то, что он дал ей почитать, не похоже на первые вещи. «Я даже боюсь... – сказала Жанна, – не надо его сейчас трогать». И новый роман Макса стал для Влады ребенком, которого она помогала рожать как могла: беспокоилась о здоровье «отца», о порядке в доме и калорийности пищи. И тогда, два года назад, когда все пошло кувырком, у Влады было такое чувство, будто этого несчастного ребенка отдали в детский дом, а возможно, еще хуже – в руки извращенца-педофила.

«Нет, я не могу об этом вспоминать! – запретила себе грустные мысли Влада. – Лучше почитаю».

Она взяла листок, и сердце сжалось при виде круглого неразборчивого детского почерка, такого непохожего на прежний четкий, почти каллиграфический, почерк Макса.

«Белые нитки» – прочитала заголовок Влада и, закурив, углубилась в манускрипт:

«...Они шьют белыми нитками. Все видят, что ОНИ шьют белыми нитками. Но не решаются сказать об этом вслух. Ведь и сами – шьют белыми нитками. Цвет непорочности! Мы все шьем белыми нитками. Это похоже на громадный швейный цех. Вот – белые нитки (горы белых ниток!) – только бери. И шей. И шьем. Пришиваемся друг к другу. Стоит только зазеваться, как видишь – к тебе в троллейбусе уже пришил дядя с сумкой – слева, справа – старушка в клетчатом платке, спереди – спиной – какая-то блондинка с острым зонтиком...

Отложим в сторону иглу. И поедem в горы. На плече такие неаккуратные рваные рубцы... Но если не пришиваться, а вот так осторожно поглаживать – они исчезают. Едем в горы уже восемнадцать часов – шестнадцать из них целуемся. Но рекорд некому зафиксировать.

На мохнатых горах растут ягоды. Загорелые дети собирают их в банки, выскакивают на шоссе практически под колеса и продают – по две гривны за огромную банку. Куча новых лиц за стеклом машины сливается для них в одно довольное, потное, краснощекое лицо благополучия.

А ты кажешься себе хуже всех, потому что у тебя – всё на языке: и мед, и горчица, и яд, и правда, и ложь. И всё – одновременно. (Ты так сладко и тепло целуешь сейчас, что через закрытые веки я вижу звезды, несколько лун, потом – красные зигзаги, потом – острые осколки хрустальной вазы, которую разбил в детстве, а потом снова – тоннель из лун и звезд...)

Вот они (напомню: те, кто шьют белыми нитками!) сидят, молчат, прижимаясь горячими коленями к чужим женщинам. А ты что за чудо-юдо? А ты МОЕ чудо-юдо. С первого взгляда. Без примерки. Ужас!

Ты ничего никогда не примеряла. («Терпеть этого не могу! Дайте, что под руку попадет. Да, пожалуйста, заверните в бумагу.») Те, кто шьют белыми нитками, всегда выбирают: тычут носом в свежую курицу на базаре: «А она действительно свежая?», «А это действительно курица?», будто случайно заглядывают в комнату: «А это что – видик?», «И машина есть?»...

Нитки беленькие, стежки кривые. Но по правилам игры их не станут замечать.

Мы будем говорить долго. Долго и... молча. Расскажи мне что-нибудь. Грустное или веселое? Веселое. Ноу меня всё – о грустном. Тогда закрывай глазки. Спи. Ты будешь спать, а я думать о чем-то веселом. Ты все равно меня услышишь.

Игла Берлиоза не выходит из сердца. Ты летишь ко мне. Серебряный пилот собрал какое-то количество желающих улететь, раздал всем по паре крыльев, приказал ухватиться за веревку и махать руками. Вот и полетели: раз-два, раз-два... Снизу так красиво смотрится!

...Человек произошел от человека. Когда об этом хорошенько забыли, появился тот, кто должен был проверить, так ли все сделано и не нужна ли какая-нибудь помощь? Оказалось – нужна. Оказалось, что не все так хорошо, как планировалось. То ли климат не подошел, то ли атмосфера слишком разреженная, но мозг сузился, конечности вытянулись, зубы потускнели и заострились. Убили посланника. Научно доказали свое происхождение от обезьяны. А какой с обезьяны спрос?..

Когда начнется Всемирный потоп, зеркала перевернутся и примут нас. Примут ли остальных – не знаю. Нас – примут! Потому что мы знаем, что человек произошел от человека. Они, те, что шьют белыми нитками, орут: «Мы – от обезьяны!» И все пытаются пролезть с черного хода. (Я так тебя люблю, что не представляю себе, как можно так вот запросто сказать: «Где ты шляешься?» Возможно, это тоже нужно – как доказательство самой большой близости, ведь посторонней так не скажешь?..)

Люди сомкнуты в единую болевую цепь: сколько раз ударишь ты, столько ударят и тебя. Поэтому никогда не нужно суетиться, чтобы отдать или получить свое. Сейчас я открою тебе самую большую тайну. Когда ТАМ идет дождь, здесь, на моей груди – под твоей рукой слева, – тоже идет дождь. Во сне ты сжимаешь пальцы, и они вздрагивают от того, что чувствуют, как глубоко под ними идет дождь.

Они, твои пальцы, не могут видеть звезды, но они умеют всё чувствовать. Они умнее тебя. Всё у нас —умнее головы. Хотя нам кажется, что – наоборот. Голова – только химическая лаборатория слов и событий, в ней происходят реактивные реакции. А так – пространство между твоими пальцами совпадает с одним моим пальцем. И наоборот. Все твои промежутки совпадают с моими промежутками. И когда буквально все промежутки совпадают со всеми промежутками, голове совсем нечего переваривать. Все становится несущественным. В ней вращается космос.

За все приходится платить. А таким, как мы, – вдвойне. И именно поэтому так трудно по своей воле отрывать промежутки от промежутков.

Люблю – значит: иди куда вздумается, делай что хочешь. Не люблю: иди туда, принеси то-то и то-то, завтра будет вот так, в следующем году – иначе. Люблю – значит: завтра я умру. Слушай же, как шумит дождь под твоей ладонью!

«Я скоро приду», – сказала ты. Когда – скоро? «Ну, очень быстро. Вот эта ночь пройдет, вот вторая пройдет, а после будет длинный-длинный день. Будем собирать в лесу грибы, покупать кукол у цыган и чернику в стеклянных банках. Только бы хватило сил переждать все ночи, с их люминесцентными лунами...»

Ты говоришь со мной лучше, когда тебя нет. Люди вообще говорят друг с другом лучше, когда молчат.

...Ты так странно уходила от меня сегодня. Ты сказала: «Обними меня, пока я еще теплая. А потом не обнимай больше – меня здесь не будет». А где ты будешь? «О, это лишнее, не переживай! Я буду еще лучше, когда уйду. Ты же меня совсем не знаешь! А я – не такой уж большой подарок. Когда ты снова найдешь меня, ты почувствуешь, что ТАМ, где ты меня потерял, – пусто. Просто я буду стоять рядом с тобой. Это так просто. Нужно только не бояться, не думать о страхе. И когда – сейчас или лет через пятьдесят – прохладные руки опустятся тебе на плечи, не визжать, как обезьяна. Ты будешь любить меня сильнее еще и

потому, что захочешь быть со мной все время – других желаний у тебя не будет. Как это случилось со мной, когда я видела россыпи звезд и лун...»

Чтобы тебе было спокойнее, я не скажу, что знаю о тебе все. Ты можешь чуточку хитрить, если хочешь. Ты можешь говорить красивые, одной тебе понятные слова. Я не буду спорить. Твои луны сполна смешались с моими – в них не было болезненных непромежутков. Получилось одно золотое море. И ты стояла на берегу, беленькая, как ангел. И дыхание было легким. И сон был белый. И ты стояла рядом – беленькая, как ангел...»

«Вот оно что, – подумала Влада, выключая бра и плотнее укутываясь в теплый плед. – Значит, она всегда там, с ним... Что ж, пусть будет так...»

А еще она поняла, что болезнь не отступает и не отступит, пока не соединит эти две половинки в одно целое.

За окном уже светало. Влада накрыла голову пледом – она всегда любила спать так – и наконец заснула.

* * *

– Кажется, Макс влип в какую-то авантюру! – говорила Владе за два года до событий, о которых идет речь, Жанна. Они сидели на кухне, пили чай и по очереди подходили к плите, чтобы во второй или в десятый раз разогреть ужин для Максима – котлеты с жареной картошкой.

– Ложись спать, – сказала Жанна. – Я дождусь сама. Макс, наверное, не будет ужинать... – И она решительно выключила огонь под сковородой.

Ее немного раздражало, что на кухне их двое. Если бы Влады не было, у нее было бы совсем другое настроение, не такое миролюбивое.

– Эти котлеты уже превратились в угли! – улынулась Влада. – Неужели нельзя откуда-нибудь позвонить и предупредить, чтобы мы не волновались!

– А чего тебе волноваться? – хмыкнула Жанна. – Я вообще считаю, что ты должна подумать о своей личной жизни, а не нянчиться с нами.

Влада обиженно засопела, картинно вздохнула:

– Хорошо, встречай своего Дон Кихота сама... – и покорно отправилась в свою комнату.

Жанна только того и ждала – убрала со стола тарелки, выставила сковороду на балкон и пошла в ванную. Она не считала нужным торчать на кухне и выглядывать в окно мужа, но такой порядок ввела заботливая Влада. И Жанна не могла уйти спать, зная, что сестра будет сидеть на кухне хоть до утра. Знала она и то, что Макса возмущают такие полуночные дежурства, особенно, если их устраивает ее сестра. Но сказать об этом Владе она не решалась, знала, что та обидится. А еще хуже – может съехать с квартиры, чтобы «не мешать молодым», а съезжать Владе было некуда.

Жанна вышла из ванной и сразу услышала скрежет ключа во входной двери. Наконец! Жанна заметила, что за дверью Владиной комнаты скрипнул диван, наверное, сестра оторвала голову от подушки, прислушиваясь к звукам в прихожей.

– Привет! – Макс поцеловал Жанну в нос и тут же повел ее за руку на кухню, тихонько прикрывая за собой дверь. Он бросил плащ на стул и достал из своей сумки бутылку вина.

– Сейчас что-то расскажу, – шепотом сказал он и прижал палец к губам, взглядом указывая в направлении спальни Влады.

Жанна села напротив и смотрела, как он разливает вино в смешные пузатые кружки.

– Это очень хорошее вино, – сказал Макс.

Они тихонько чокнулись и одновременно, не сговариваясь, прижали пальцы к губам. Это их рассмешило, они залились беззвучным смехом и снова сделали один и тот же жест – строго

показали друг другу сжатый кулак. Это вызвало новую волну смеха, они просто задыхались, стараясь не выпустить этот смех наружу.

– Мы идиоты! – сказала Жанна, вытирая слезы.

– Ш-ш-ш... А то придет фрекен Бок!

– Ты несправедлив, – серьезно сказала Жанна. – Влада столько нам помогает... Просто у нее никого нет. Вот выйдет замуж – еще вспомнишь ее котлеты...

Здесь она вспомнила, во что превратились котлеты, которые они, опережая друг друга, подогревали весь вечер, и ей снова стало смешно.

– Господи, а я так хотел серьезно с тобой поговорить! – с деланным разочарованием сказал Макс.

– Я тебя внимательно слушаю, – в тон ему ответила Жанна, подпирая рукой подбородок.

– Сейчас расскажу.

Но вместо этого он снова беззвучно рассмеялся, глядя на то, как Жанна сидит напротив него в зеленом халатике, по-лягушачьи поджав под себя ножки, и делает вид, что и в самом деле слушает очень внимательно.

– Ну?

– Хорошо, шутки в сторону, – наконец успокоился Макс. – Ты куда хочешь поехать – в Париж или в Токио?

– В Токио, – не задумываясь ответила она. – А из Токио можно и в Париж!

– Не смейся, я не шучу. Сегодня я встречался с одним переводчиком из Пен-клуба (не буду нагружать тебя подробностями), словом, мне предлагают представить новые рукописи для издания за рубежом. Обещают издать книги быстро. И это еще не все. Мне выплатят приличный аванс! А потом – очень хороший гонорар. Я согласился. Может, со временем сможем даже купить квартиру для нашей фрекен Бок. И вообще, хватит сидеть на картошке. Завтра же я отнесу все, что есть, в агентство. Как ты на это смотришь?

– Может, нужно сначала напечатать романы здесь?

– А что мне помешает сделать это позже? Я это оговорю.

– Как знаешь, – сказала Жанна. – Лишь бы тебя не обманули, сейчас все возможно...

Они еще долго сидели на кухне, пили вино, снова разогревали котлеты и смеялись. Потом вместе пошли в ванную. А когда, мокрые и счастливые, тихонько крались в темноте мимо комнаты Влады, Жанна снова услышала знакомый звук – Влада не спала. И ее охватило острое чувство жалости и раскаяния, будто она украла у сестры половину ее жизни.

«Ну что же у нее никак не складывается?..» – подумала Жанна. Но в тот же миг забыла обо всем – Макс снова целовал ее влажное лицо.

* * *

Та весна была очень красивой. Она наполняла все вокруг запахом сирени и каштанов. Он проникал в самые дальние уголки уставшего от суровой зимы города, тоненькими змейками заползал в ноздри очерстевших от забот горожан, и самые впечатлительные из них со священным трепетом вдыхали эти возбуждающие ароматы, будто наркоманы последнюю порцию героина. Особенно хмельными они были здесь, на окраине, где маленькие «хрущевки» и «гостинки» чередовались с панельными неуклюжими небоскребами.

Несмотря на то что сестры жили далеко от центра, они обожали свой район, который весной утопал в зелени, а зимой по самые уши накрывался шапкой снега – его здесь почти никогда не убрали вплоть до первой оттепели.

Здесьние жители тоже были особенные. Именно в этом районе происходило «великое переселение народов»: сюда переселялись жители сел, устраивая на своих балконах настоящие курятники (чтобы быть всегда с мясом и яйцами), некоторые даже умудрялись держать не

только кур, а еще и коз или поросят. Сюда стекались беженцы не только из ближнего зарубежья, но и встречались африканские и даже афганские общины. И в коридорах жилищно-коммунальных комбинатов, в этих отдельных государствах в государстве, где хозяйничали тучные женщины с громкими голосами и сожженными «химией» прическами, стояли фантазмагорические очереди из темнокожих граждан, которые на ломаном украинском требовали выдать им талоны на сахар. Весной, особенно в выходные, район превращался в цех по выбиванию ковров: в каждом дворе, под каждым окном и на каждой спортивной площадке женщины, мужчины и дети длинными палками колотили по развешанным коврам. И это напоминало священный весенний ритуал, смысл которого казался непостижимым для изумленных мусульман, которые давно уже имели современные пылесосы. Ковры выбивали с утра до вечера. А потом усталые и довольные соседи выносили на деревянные столики бутылки с водкой, бутерброды и кувшины с домашним квасом и до ночи пели песни, что тоже было непостижимым для смуглых детей юга.

... Утром следующего дня сестры так же сидели на кухне и пили кофе, перед тем как отправиться на службу. Жанна работала младшим научным сотрудником библиотеки, Влада находилась в поиске того единственного места работы, где бы она могла сполна раскрыть свои способности. И поэтому ее «трудовая книжка», этот пережиток прошлого, пестрела несколькими десятками всяких записей.

– Куда так рано ушел Макс? – спросила Влада. – Он хоть позавтракал?

– Ты же знаешь, он никогда не завтракает рано, – сказала Жанна. – А пошел он ксерить свои романы, а потом еще куда-то...

– Зачем?

Жанна поняла, что ей не отвертеться от объяснений и, собственно, не из чего делать тайну.

– Ему предложили подать рукописи для издания за границей. В переводе, конечно. Надо же оставить экземпляры для себя. Если бы у нас был компьютер, все было бы намного проще...

– Господи, зачем ему эти переводы? Пусть бы напечатался сначала здесь.

– Здесь это сделать сложнее. Кроме того, за книги пообещали сразу же выплатить гонорар.

– Разве так бывает? Бесплатный сыр – только в мышеловке! – улыбнулась Влада. – Откуда у Макса появились такие благодетели?

– Честно говоря, Макс пойдет сейчас на все, чтобы мы хоть немного выбрались из этой нищеты. Вообще, давай прекратим эти разговоры. Особенно с ним, хорошо?

– Как скажешь... Но я считаю, что вместо того, чтобы участвовать в сомнительных проектах, мы могли бы наконец продать тот родительский камешек. По крайней мере, хотя бы выяснить, что это такое. Может, что-то ценное? Вдруг именно из-за него приезжал тот французский дядечка, помнишь?

– С ума сошла! – Жанна засмеялась. – Откуда в нашей семье «что-то ценное»? Не верю. Это во-первых, а во-вторых... Не забывай, что этот камешек вместе с прадедом прошел сибирские лагеря, с бабушкой – эвакуацию, а папа считает его семейной реликвией.

– Но, помнишь, когда-то отец рассказывал о какой-то иностранной графине, в честь которой якобы тебя называли? Думаешь, это ложь? А если вы действительно – аристократка, ваше высочество?

– Отец всегда был хорошим сказочником. Он рассказывал не только эту сказочку! А потом – если это действительно так, думаю, никто никогда не узнает правды. Не забывай, какие были времена. Если прадед что-то и знал о, как ты говоришь, иностранных корнях, его заставили об этом забыть.

– А как же папин французский? – не сдавалась Влада. – Ведь я точно помню, как он говорил с тем Флери!

– Ты просто фантазерка.

– Какая ты неромантичная... – вздохнула Влада. – Ну посмотрим на камешек еще разок, умоляю. Отец же недаром оставил его нам – мы можем делать все что вздумается!

– Смотри! – пожалала плечами Жанна.

Она знала, что сестра с детства обожала разглядывать эту семейную реликвию, когда отец был в хорошем настроении и позволял это делать. А за годы их самостоятельной жизни они еще ни разу не прикоснулись к свертку, просто забыли о нем. Влада радостно соскочила с табурета и побежала в комнату шарить в ящиках. На кухню она вышла с маленьким свертком в руках. Жанна пила кофе и с улыбкой наблюдала, как сестра осторожно разворачивает и раскладывает на столе пожелтевшие тряпицы, некогда, возможно, бывшие носовыми платками, а возможно, и клочками дедовской портянки – отец хранил все в том виде, в каком получил от предков.

Наконец Влада развязала последнюю веревочку, и на куче тряпья появился темно-синий камень, по форме напоминавший слезу. Жанна взяла камешек и подбросила его на ладони:

– И по-твоему, это – драгоценность?

Влада поскребла поверхность камня ногтем, и из-под толстого слоя краски тускло блеснуло стекло.

– Не трогай! – возмутилась Жанна. – Тебе все надо попробовать на вкус! Этому камешку уйма лет. Пусть все останется так, как есть!

– Я понимаю... – тихо произнесла Влада. – Я не имею на это такого права, как ты...

Это был запрещенный прием, и Жанна снова почувствовала к сестре жалость и нежность. Она быстро сгребла тряпки и камешек со стола, бросила все в ближний ящик и ласково обняла сестру.

– Дуреха! Делай с ним что хочешь. Просто я сейчас думаю совсем о другом. Я хочу, чтобы у тебя была своя жизнь, своя квартира, чтобы ты не стояла у плиты, чтобы мы нажрались. Это ненормально. И если у Макса все сложится хорошо, ты сможешь жить иначе, лучше.

– Но я хочу жить с вами. Я вас так люблю, – ответила Влада, тоже сжимая сестру в объятиях. – Я никогда не буду жить так хорошо, как вы...

– Господи! – засмеялась Жанна. – Ты нас идеализируешь, а мы просто стараемся не ругаться при тебе.

Сестры еще немного посидели. Затем началась обычная утренняя суэта с препирательствами, кому первому идти в ванную и кто у кого взял и не вернул косметический карандаш.

...До работы Жанна добиралась на автобусе, потом пересаживались в метро. Сегодня она забыла взять с собой книгу, поэтому ей пришлось наблюдать за дорогой, глядеть на лица, прислушиваться к разговорам. Сзади сидели две девушки, которым можно было дать и восемнадцать, и в то же время двадцать восемь: простенькие накрашенные лица, громкие голоса...

– Что же мне подарить тебе на свадьбу? – спросила одна.

– Да что угодно, мне все равно, не бери в голову, – отвечала вторая.

– О, придумала! Это будет как в анекдоте – куплю тебе вазу и вручая разобью... На счастье...

– И... у него на голове! – со смехом добавила «невеста».

– С удовольствием!

Они громко расхохотались и начали обсуждать фасон будущего свадебного платья. Простота бытия – вот что всегда удивляло Жанну в людях, заставляло ее сто раз пересматривать собственное отношение к жизни. Она порой ненавидела себя за постоянные внутренние монологи, за картины, которые она могла вызвать в своем воображении. Ей казалось, что она бы не загрустила и не пала бы духом даже в тюрьме: к ней «в гости» приходили бы все, кого бы она пожелала увидеть. Они пришли бы из небытия, из книг, живописных полотен, из звуков музыки (особенно ее любимых Грига и Моцарта), из всех времен... Они давно жили в ее воображении, она поселяла их в своей голове, предоставляя каждому персонажу отдельную

чистенькую комнатку. Она была хозяйкой своего воображаемого отеля и имела полное право на непринужденный разговор с гениями и героями о погоде или свежести утренних булочек.

В одной из таких комнаток всегда жил Макс. Только сейчас, с течением времени, она могла пожертвовать беседой с ним ради собственных мыслей. Иногда бывало такое, что она (мысленно, конечно же!) запрещала себе даже приближаться к той двери в своем воображаемом «отеле мира», за которой поселила Макса, много раз даже пыталась выселить оттуда докучливого квартиранта со скандалом и обвинением в краже «отельного имущества». Напрасно! Он возвращался. И она понимала, что он здесь навсегда.

Простота бытия привлекала только как альтернативный, неприемлемый для ее психики образ жизни – легкий и необременительный, в котором нет места размышлениям о старости, страхе и смерти. Встреча с Максом сделала невозможным простоту ее бытия. Когда она впервые увидела его – не обрадовалась, как радуются все девушки настоящей (или притворно настоящей) любви с перспективой женитьбы.

* * *

Она никогда не мечтала о браке! Мысли о том, что один человек может принадлежать другому, вызывали у нее отвращение. Жанна сама не знала, откуда порой берется эта необузданность, эти безумные приступы яростного сопротивления всему, что окружало ее с детства. Ее согревала мысль о том, что отец (которого она всегда про себя называла не иначе как Оливером) – потомок какого-то древнего рода. Лучше было бы – чтоб цыганского! Это многое бы что объяснило и в характере самой Жанны. Дорога, высокие костры, ветер, свист кнутов, трубка с крепким табаком и водоворот шальной страсти, когда разрешается все, – вот какая сущность скрывалась за ее напускной сдержанностью. Она представляла себя всадницей в черной кожаной шляпе с широкими полями, белокурой ведьмой перед судом инквизиции, уличной циркачкой, танцующей босиком на раскаленных углях... О, надо было видеть ее в такие минуты! И Макс увидел ее именно такой.

...«Таких нет...» – подумал он, заметив ее впервые на одной из студенческих вечеринок – тех нелепых ночных посиделок в общежитии, когда теряется реальность времени, хлопают двери и «на огонек» (а точнее – на запах незамысловатой еды) слетаются все, кто способен выставить на стол очередную бутылку «чернил». Он пришел уже на хорошем подпитии, в компании друзей из художественного института. В маленькую комнатку набилось душ тридцать, рваные облака табачного дыма висели в воздухе, как паутина в подвале, от музыки «Пинк Флойд», слишком широкой для узких стен этой студенческой кельи, содрогались окна, в полумраке светились красные огоньки сигарет, будто глаза тайных сыщиков.

Девушка сидела на подоконнике. Полная луна, которая, как огромное блюдо, висела за ее спиной, золотой полосой освещала только контур. Но что это был за контур! На ней, видимо, была длинная широкая юбка с красным отливом, короткие рукава-фонарики белой блузки были похожи в темноте на маленькие крылья, высокая прическа придавала всему образу средневековый вид. На ее руке позвякивала гроздь медных колец-браслетов.

– Привет вам, обитатели преисподней! – крикнул Макс и выставил на стол бутылку коньяка. Компания радостно загудела, зашевелилась, освобождая места новым гостям. Макс время от времени поглядывал на неподвижный силуэт на подоконнике. Девушка казалась ему мраморной статуей. Макс плеснул в стакан коньяку и протянул его в темноту:

– Ваш бокал, миледи!

Потом все закрутилось в его голове, как колесо. Когда он вспоминал хронологию событий того вечера, они казались ему сном или... рассказом. Возможно, это и был рассказ, плод его больного воображения? Но рассказ этого вечера в устах Макса звучал бы так: «Тридцать сумасбродных, горячих, растрепанных голов гоготали, сталкивались, как бильярдные шары, пере-

катываясь с туловища на туловище. От духоты и спиртного плавилась пластилиновые лица, теряя индивидуальные черты. Облака тяжелого дыма и мощной музыки поднимались к потолку и, отяжелев, плотной, душной и липкой сетью спускались вниз, вызывая тошноту.

– Воды! – приказала она низким хриловатым голосом, отбрасывая с лица прядь медных волос. – Ты! – указала на одного из тридцати.

Тот напряг шею, как бык перед бандерильей тореадора, и в его глазах желтым огоньком засветилась ненависть. Он тяжело поднялся и, сопровождаемый взглядом ее расширенных черных зрачков, покорно вышел из комнаты. Двадцать девять других взглядов вскипели той же опасной желтизной, впиваясь в ее тело, как пираньи, с наслаждением вырывая из него самые вкусные куски. Она смеялась под выстрелами этих взглядов, как от щекотки. Длинные кудри, будто клубок сплетенных змей, дрожали на ее плечах.

Тот, кто пошел за водой, вернулся со стаканом в руках. Он поставил его на маленькое блюдце и протянул ей. Она улыбнулась. Ей хотелось развлечений. Или – опасности.

– Пей! – сказала она и больше не смотрела на него, а уже смеялась с кем-то другим, наверняка зная, что стакан опустеет через мгновение. Ее поза, взгляд, смех, каждое движение – все, что было в ней страстно-обольстительного, – разжигало в глазах других массу смешанных чувств: от отчаянного восторга до экзотической ярости. Тот, кто принес воду, продемонстрировал пустой стакан и посмотрел на нее тяжелым взглядом.

– Еще! – сказала она. И это короткое слово было для него хуже выстрела. Он вышел снова.

Тишина обрушилась с потолка и раздавила под собою остальных псов-рыцарей. Тишина длилась до тех пор, пока тот, что принес воду, вернулся во второй раз... Было слышно, как стучало его сердце. Он так же протянул ей стакан. И так же, как в прошлый раз, сам выпил воду, стараясь не смотреть на лица остальных. Он знал, что так поступил бы на его месте каждый из присутствующих. Но лучше бы он выпил расплавленное олово!

В третий раз она выплеснула воду на стекло за своей спиной, и по нему поплыли размытые ночные звезды...

– Ха! – затаили дыхание двадцать девять грудей.

– Ха! – подскочила дьяволица, метким ударом ноги в стол упредила быстрое движение нападающего – стол перевернулся и сделал ее недосыгаемой. А тот уже не мог контролировать себя. Мутным взглядом обвел он присутствующих, в его руке блеснуло лезвие.

Легкой походкой подошла она на расстояние удара к ножу, который, как рыбка, плыл в сумерках, и поймала лезвие маленькой ладонью. Рыбка нырнула и сопротивлялась в ее на удивление крепкой руке. И наконец замерла. Тот, что принес воду, отступил, выпуская из пальцев рукоятку.

Она медленно раскрыла ладонь и стерла с нее кровь белоснежным носовым платком. Укрощенный нож упал на пол. Представление закончилось... И только где-то в глубине, на самом доньшке ее пульсирующего зрачка вздрогнула и на мгновение пронзила мозг молния боли.

О, если бы было возможным сейчас запрячь черных коней и промчаться по ночному городу круша все на своем пути! Слушать у себя за спиной рев увешанного колокольчиками и лентами медведя, переключку цыган, веселый звон бубнов и бус, от которого разлетаются на осколки окна обывателей, и звяканье тусклых бутылок со старым вином в тяжелых, плетенных из лозы корзинах!

Вот шальной кортеж влетает во двор старинного замка. И цветистая стая во главе с созданием, которое одновременно похоже и на ангела и на черта – женщиной в кожаной шляпе с широкими полями, – вмиг нарушает тихую заводь бала. Хрупкие блондинки прикрывают лицо пушистыми веерами, чтобы... скрыть зависть к той, которая может ВСЕ! Кавалеры, оберегая нравственность своих подруг, немедленно спроваживают их домой, чтобы... вернуться сюда уже без острых крахмальных воротничков.

Ха!

Прочь все, кто живет рассказами о крепости вина и поцелуев! Кто способен променять миг свободы на сто лет сытости!»

...Макс не помнил, как проводил Жанну домой, все смешалось в его голове – фантазматика и реальность. Они целовались на лестнице как безумные и тогда же выжгли надпись на подоконнике «Макс + Жанна...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.